

Софья СУРКОВА

Софья Суркова родилась в 1999 году в Московской области, с 2017 года – студентка Литературного института. Публиковалась в журналах «Флаги», «Ф-письмо», «TextOnly», «Literrатура», «Парадигма», в арт-дайджесте Soloneba, на «Полутонах». Шорт-лист молодёжной поэтической премии «Цикада» (2021). Живёт в Москве.

ОПИСЬ ПЛЕСЕНИ

Рассказ

Анна ценит дисциплину. Дни Анна проводит одинаково: час после пробуждения читает, пьёт воду, полирует мебель и садится работать. Первые полчаса Анна соскальзывает со стула, потом привыкает. Анна решила посвятить свою жизнь написанию большого труда о видах высших аэробных плесневых грибов. Анна дотошна, хотя по образованию и не биологиня. Она окончила четыре первых курса в разных вузах: поступала на геофак, на философский, на факультет минералогии и последний раз на физико-математический (там не проучилась и трёх недель, потому что ей пришлось купить очки).

Анна изучила имеющиеся в её родном городе виды: вырастила на булке черную хлебную плесень, выпросила у знакомой фармацевтки образцы пальчатого и золотистого пеницилла и соскребла всё, чем была покрыта её комната. На этом решила не останавливаться и отправилась в Хосту. В приморских городах влажность выше, а растительность обильнее и многообразнее, что, наверняка, способствует большим плесневым движениям, – объяснила она себе.

Анина мать всячески ей потакала и давала заниматься чем вздумается, не взъезжаясь на неё за неоконченные высшие образования. Узнав, что дочь пишет исследовательскую работу о видах плесневых грибов, она выделила ей нужную сумму, чтобы Анна могла заниматься делом, не отвлекаясь на подработки. Она помнила свои молодые годы, омраченные саженцами и подносами.

Прибыв в Хосту, Анна сняла у щуплой старушки весь верхний этаж дома. Дом располагался совсем близко к морю: в нескольких метрах от входной двери – парапет, и сразу за ним спуск на пляж. Анна поначалу сокрушалась, что пляж не песчаный, а покрыт мелкими камнями – заходить в море было больновато, – у Анны чувствительные ступни. Но позже, обнаружив на камнях непонятный налёт, она даже обрадовалась, сочтя его потенциальным для изучения.

Море крепко вошло в Анин распорядок дня. Теперь по пробуждении она первым делом шла купаться, каждый раз доплывала до разбитого водой волнореза, кусками погружённого под воду, а частями выступающего над водой где-то на метр, так что на него можно забраться. На нём толпились мальчишки, гремящие, как кухонная утварь. Копышастые дети раздражали Анну, хотя она слишком любила нырять, поэтому терпела их, но начинала громко сопеть, когда ребята, толкая друг друга, задевали по случайности и её.

После купания Анна завтракала и отправлялась на поиски – она бродила вдоль побережья, ближе к вечеру заворачивая в глубь города. Эти вылазки в своём дневнике она игриво называла «грибной охотой». На самом деле грибы заволаживали её с детства (не плесень, конечно, а обычные лесные), в них закупоривалась влага и прохлада почвы, а под шляпками клубился мрак сказочных времён.

Несмотря на то что у Анны имелся пристойный ноутбук, она упорно записывала всё от руки в тетрадь. Почерк у неё неровный и скачущий, со временем записи становятся всё более непонятными. Ниже приведены расшифровки её исследований, которые удалось восстановить. Стоит заметить, что хоть Анна не сведуща в биологии, это нисколько ей не

мешает, даже наоборот – её работа полна изысканий, которых в обычных научных трудах не найти.

Aspergillus candidus

Белоснежный аспергилл диаметром достиг шести суток, с одной стороны – зернистый, с другой – шерстистый, споры обильные, а некоторые даже двухъярусные. На первый взгляд он кажется абсолютно несовершенным, но и я не дура – приложила троекратно лупу и вот что разглядела: погнутые полости игольных ушек, в них крохотные неоперившиеся совы, которых можно на первый взгляд спутать с ангелами. Выделяется из почвы при помощи растительных субстратов, но! без дрожжевого помысла (если только замыслишь о дрожжах, ножки аспергилла вздуются, как фаланги пальцев, и улепечут вглубь).

Aspergillus flavipes

Желтоножковый аспергилл покрывает сам себя лопатчатыми формулами, с виду очень изыщен, т.к. несмотря на однорукость, он сохраняет свой грушевый вид. Представляет особую опасность для киви (и фруктов, и птиц). Чтобы произрасти в Уругвае, ему требуется солодовый экстракт, в приморской области аспергилла и так избыток. Мой образец достиг диаметром четырнадцати суток. Для большего интереса я провела с ним ряд незатейливых экспериментов:

1. Если ровно в полдень (по уругвайскому времени), вынести аспергилл на солнце, он достигнет своей совершенной стадии – произрастёт сам в себе сначала в лишай, а на следующий момент в раскидистый папоротник, его пигмент набухнет и покинет свою желтоватость, станет мохисто-зелёным. Но учтите: стоит его передержать на солнечном свете хоть с минуту, он обретёт мерзкий коричневый цвет и выйдет из своей совершенной стадии.

2. Эксперимент с раствором соды и молотого чёрного перца ни к чему не привёл. Можете даже не пытаться.

3. Я опять слишком сильно отполировала сидушку стула, соскользнула, больно ударилась копчиком, расстроилась и больше этот аспергилл не трогала.

Aspergillus nidulans

Гнездовой аспергилл оказался патогеном и вызвал у меня иммунодефицит, будьте аккуратнее. При близком рассмотрении его колоний я обнаружила там огромные лёгкие, наполненные болотными каплями, ближе к ночи болотца начинают смещаться к лёгочному центру и сливаются в целый водоём, я даже арендовала на день микроскопную мастерскую, чтобы разглядеть его флору и фауну. Растительность скудна и немногочисленна: по каёмке легкие покрыты зарослями брусники, если лопнуть ягодку, то её сок затейливо потечёт по капиллярам, придавая ландшафту болезненный вид. У болот обитают птицы с длинными ногами: цапли, журавли, фламинго, пару раз мелькал страус, но он так быстро перемещался, что я его плохо разглядела, я бы вообще его не заметила, если бы не громоздкость, с какой он топал.

Aspergillus fumigatus

Дымящий аспергилл достался мне с огромным трудом: его можно соскрести только с левого рога парнокопытного скота, чей желудок полон пшеницы. Споры – белые и бархатистые – никакого интереса не представляют, в отличие от выделяемого ими фиолетового сока. Он по составу идентичен морской воде, в нём морские коньки строят длинные изгороди из микроскопических ракушек.

[Приписка на стикере: *я собрала в колбу сто тридцать миллилитров сока и отвезла на экватор, в тропическом климате он быстро нашёл себе почву и вырос обычным грибом с рубцеватой шляпкой*]

Aspergillus ochraceus

Охряный аспергилл обильно произрастает на створках мидий, за ними пришлось нырять, и заложило уши, так что если он что и говорил, то я не расслышала. Споры мелкошероховатые и шаровидные, мне удалось наблюдать трансформацию его колоний в полый рукав – это значит, что аспергилл достиг половой стадии развития. Рукав я надрезала скальпелем и вложила в него кусок слипшегося сахара, тот был сразу поглощён, а полость начала сворачиваться и разворачиваться с экстатическим размахом. Сделанный мной разрез вспузырился и зарос.

Aspergillus terreus

Земляной аспергилл я собрала с недавно вырезанной буковой трубки для курения. В его спорах растут соцветия хризантем, маскирующихся под астры. Заросли очень густые, будто прячут что. Я догадалась аккуратно подцепить и раздвинуть листики: эта поросль скрывала пятерых двухголовых, по очереди сношающихся быков. Если не побрезговать и выжать их потную шёрстку, можно получить отличное средство от комариных укусов. Я решилась попробовать скрестить этот аспергилл с гнездовым: болотце при взаимодействии с быками породило гнутоветвистую яблоню, которая переживала годовой цикл за две минуты (стремительно цвела, плодоносила, сбрасывала листья, дрожала на ветру и возвращалась обратно к почкам). Яблоки так быстро опадали и гнили, что я не никак не успевала их собрать.

Первый месяц Анна много работала и внесла в свой перечень шесть новых видов плесени. Но последнее время она стала странно себя чувствовать. Так и записывала в дневник: «я странно себя чувствую сегодня», с этой фразы начинается каждая заметка. Анна стала хуже спать: сон поверхностный, тревожный, из-за чего она позже встаёт и потом весь день глаза слипаются, её часто мутит. Анна не забросила свой ритуал утренних заплывов, но теперь уже не забирается на волнорез: мальчишки, кажется, замыслили плохое против неё, они норовят пихнуть Анну посильнее, чтобы та упала. Анна уверена, она поскользнётся и не удержит равновесие, прямиком разобьёт себе голову и обломает кости. Более всего она переживала за позвоночник.

От покойной бабушки ей достался тонометр, она всегда его с собой возит на всякий случай, но с недавнего времени начала измерять давление по несколько раз за день. Несмотря на неважное самочувствие, Анна продолжала работать и собирать материал. Она понимала, что её исследование имеет колоссальную важность, хотя вряд ли современные, научного закала (так Анна их называет) учёные оценят её труд по достоинству, ведь сухие

условности, которые предлагает нам действительность, её не интересуют, она всегда заходит дальше. От того Анины труды могут столкнуться с обвинениями в недостоверности (особенно последние записи).

Эвкалиптовый мёд

Очевидно имеет плесневую структуру, может, в конечном своём изложении и не являет образцовую плесень, но этимология мне до боли знакома. Его внутренний тягучий строй несет гибель блохам. А незрелый, он – самое страшное из несчастий. Вскрыв банку, я обнаружила засахаренную ледовитость, вот она под увеличительным стеклом: скрупулезно скрученный с колосьев ячмень (его покров на языке ощущается зернисто) и огромные пышные корни эвкалипта, они вздулись, как диванные подушки, рядом втиснутые на спинку. Эвкалиптовые корни дают медовой земле сок, в нём копошатся черви. На первый взгляд, их копошения случайны и беспорядочны, но если смотреть долго и не отрываясь, увидишь, как они образуют червивые поселения – махонькие деревеньки. Их быт налажен и держится на трёх коромыслах, четырёх ведрах и колодце, всегда полном остуженной водой.

Извёстка

Когда у соседнего дома началась стройка, я и подумать не могла, что это обернётся для меня такой удачей. Вот моя плесневая находка – известковая паста отбеленная, комовая. Уйму мешков с ней работники приволокли к изгороди, ну я и подукрала малость. Чутьё меня не подвело: как только я глянула на известь сквозь лупу, стало очевидно, что передо мной новый, ранее никем не замечаемый сорт плесени. Я разлепила комья извёстки и обнародовала её нутро, заполненное сомыими головами, отгрызенными, не отрубленными. Усы сомов были связаны между собой, образуя на первый взгляд лишь нелепую скомканную окружность. Но вы, будьте добры, присмотритесь, и станет ясно, что рыбы головы соединены в ленту Мёбиуса. На такую выходку горные породы не способны, только плесень!

Ржавчина

Мной было принято бодрое решение повнимательней осмотреть и собственное жилище. Надежды отыскать плесневые мотивы там, где их остальные не подмечали, оправдались. Перед тем как изучать её самостоятельно, я попыталась выяснить, что успели сделать предыдущие исследователи. Купила учебник Щавелевой Натальи Витальевны «Ржавление», но там одни нелепости про металл и кислород, она не видит внутренней (то есть настоящей) формы вещей. Опять всё делать самой! Я срезала с карниза ржавую корку и расчихалась. Характеристика первая – ржавая плесень раздражает слизистую и способствует чиханию (да такому, что смотреть на солнце не помогает!); характеристика вторая – на атомарном уровне каждый фрактал ржавчины устроен по-разному, на их доскональное изучение уйдут столетия (когда я наберу себя учениц, одну обязательно выучу для этих целей). В первом ржавом атоме бесконечная обезьяна бесконечным количеством рук перебирает детские деревянные кубики, с выжженными на них буквами, составляет слова. Во втором ржавом атоме бобры разбирают плотину. В третьем ржавом атоме лежит покинутая горстка минералов. Остальные атомы я оставила без внимания.

Чешуя

Удивительно то, что я варю рыбный суп раз в неделю с того момента, как приехала в Хосту (для чего покупаю на рынке свежий минтай), но до сегодняшнего дня я не замечала ничего необычного в чешуе, которую счищаю с рыбы перед готовкой. Наружный покров роговых пластинок скрывает в себе спорадическое начало. Отогнув пластинку, обнаружила: бархатный абажур от торшера, укачанный плешивой бахромой (такие были на Бейкер-стрит, 221-б), лампочка не горит, но около всё равно бьются мотыльки, и грузные мужички в бежевых жилетках с огромным количеством карманов ходят кругами и поют символ веры, двое посередке несут великий ящик – ящик позванивает. Я изучала плесень-чешую всю ночь и решила пойти купаться сразу, как рассвело, чтобы на пляже никого не было. Я почти заплыла за буйки, когда по моей ноге что-то скользнуло; взглянув в толщу воды, разглядела стайку маленьких рыбок. Я поняла; раз никто не предполагал, что чешуя на рыбах на самом деле лишь особый вид плесени, то никто и не догадывался посмотреть, как они взаимодействуют с водой. Но я-то вижу, как споры отделяются, растворяясь вокруг, заставляют воду мутнеть. Мой взгляд скользнул по поверхности воды, и я заметила, как она испаряется, впитывается в воздушное пространство. Вдохнула поглубже и ощутила в глотке знакомый замшелый налёт. Мне стало дурно. Я быстро вернулась домой. Записывая это, я дышу через марлю (хотя и не уверена, что её материал не являет плесень). Повсюду разросшиеся грибницы. Это невыносимо.

Дописав, Анна выскочила из дома. Она торопилась к торговке рыбой, рассказать ей об опасности, скрытой в рыбьей чешуе. Она бежала вдоль берега, считая волнорезы. После каждого пятого волнореза становилось причудливо, и Анна ненадолго замирала. Первой, что её остановило, была громадная шикарная люстра, её прибило из глубины моря: лампочки, обвитые водорослями, продолжали гореть и подсвечивали песок, делая его зеленоватым. Не успела Анна вглядеться, как набежала волна, люстра забарахталась на её гребешке и ушла под воду. Анна потрясла головой: может, это рыбы пытаются усыпить её бдительность, чтобы она забыла про их чешую плесень? Анна поспешила дальше. Но ровно через пять волнорезов её отвлекло солнце. Она прищурилась и смотрела, смотрела, пока в её голове крутилось странное осознание, что Авраам смотрел когда-то на то же солнце, что и она сейчас. Бог Авраама сотворил это солнце. Эта простая мысль была очень светлой и ненадолго принесла облегчение. Если бы Анна не отогнала её, возможно, она не побежала бы дальше к торговке, но Анна опять потрясла головой.

Чтобы попасть на рынок, после шестнадцатого волнореза нужно свернуть направо, в глубь города. В третий раз Анну остановила фееричное зрелище: две молодые девицы выгуливали свинью (Анна имела склонность объяснять разные замеченные ей нелепости, выстраивая гипотетическую предысторию: она подумала о том, что, возможно, бедных девушек когда-то надул хитрый продавец минипигов, подсунув вместо декоративной комнатной свинки обычного борова, и вот, время спустя, им приходится возиться с огромной животной – не выкидывать же её на улицу). Анна улыбнулась своим мыслям. Произшедшие на её пути странности заставили Анну сменить бег на быстрый шаг. Так она дошла до рынка и нашла ту самую торговку, у которой покупала всегда филе минтая. Анна долго объясняла ей свои догадки, сильно размахивая руками и повышая периодически тон: «Я занимаюсь изучением плесневых грибов уже изрядный срок <...> как же Вы не понимаете! это представляет большую опасность <...> результаты моих исследований не подлежат опровержению! Грузные мужички с великим ящиком не могли быть обнаружены где-то ещё! Только плесень функционирует таким образом!» Торговка поначалу усмехалась и отмахивалась, но потом обеспокоено замолчала, слушая Анну. Она заверила её, что поговорит с рыбаками, изложит им Анину теорию, после проводила Анну домой и уложила спать. Торговку съедала грусть: как будто всё, что дано этой взбалмошной девушке, это краткосрочная радость триумфа, которая приходит только после проделанной работы.

Выходя из дома, торговка думала: «Главное, чтобы Анна никогда не догадалась, что она на самом деле ничего не знает о плесени».